

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.В. Серёжникова

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ*

Мой отец родился 24 ноября 1873 года в семье астраханского казака. У его родителей было семеро детей, один из которых умер еще совсем маленьким. Шестерых же ребятишек матери удалось вырастить, несмотря на смерть мужа.

Виктор Константинович стал известным революционным деятелем, членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1894 года. Долгое время находился в эмиграции вместе с Плехановым, Алексинским, Чичериным и др. С 20 октября 1918 г. по предложению В.И. Ленина был избран профессором Социалистической академии общественных наук по кафедре философии. Один из авторов первого издания Краткого курса истории ВКП(б) и в частности четвертой главы этого труда. Виктор Константинович умер в ссылке 27 июня 1944 года.

Я, младшая дочь, Вера Викторовна Серёжникова, родилась 7 июня 1925 года. Помню своего отца – среднего роста, немного полноватый, с темно-каштановыми волосами, лежащими крупными волнами, с усами и замечательными зубами. Походка медлительная, твердая. Всегда спокойный, мудрый, сдержанный и доброжелательный. Носил пенсне или очки, т. к. приходилось много читать, а зрение было неважное.

Его все уважали и часто обращались за советами и с просьбами по разным вопросам, и он никогда не отказывал.

Двери нашей квартиры всегда и для всех были открыты. Эту квартиру отец получил как старый большевик и профессор в 1923 году. Она находилась в бывшем доходном доме с гостиницей «Брест» (которую затем переименовали в «Якорь»). Дом выходил на три улицы: Тверскую-Ямскую, Большую Грузинскую и 1-ю Брестскую. Квартал заканчивался церковью Василия Кесарийского, отличавшейся грандиозной архитектурой и обширностью. Она также выходила на три улицы – Тверскую-Ямскую, Васильевский переулок и 1-ю Брестскую.

Наш дом до революции принадлежал купцу, крупному лесопромышленнику Михаилу Петровичу Аристову и его жене Лидии Александровне Протазановой. Елена Константиновна (младшая сестра отца) рассказывала мне, что во время революции ночью в квартиру явились вооруженные матросы выселять бывшего домовладельца Аристова. Отец встал на защиту и сказал: «Советской власти необходимы такие крупные специалисты по лесному делу». В то время отец был единственным партийцем в доме. Слава Богу, матросы ушли, выселение не состоялось, и эти тихие, скромные люди продолжали спокойно жить.

* Публикация С.Н. Корсакова. При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

Лидия Александровна Протазанова – сестра известного и талантливейшего режиссера Якова Александровича Протазанова. В 1900-х годах он сам жил с ними в квартире. Это замечательный, добрейший, интеллигентный человек. Я его очень хорошо помню, он часто приходил к своей сестре.

Протазанов дружил с моим дядей Василием Константиновичем (младшим братом отца) – артистом Театра Корша, одним из первых заслуженных артистов РСФСР, теоретиком искусства декламации, педагогом, режиссером, профессором-логопедом. Его хорошо знали в артистических кругах тех лет. Им был создан Государственный институт декламации. Он находился на улице Герцена, как раз напротив Консерватории (в глубине двора старое здание школы). Среди его выпускников профессор Е.Ф. Саричева, преподаватели А.В. Прянишников, А.В. Круминг, И.Я. Блинов, Е.К. Гальперин, В.В. Другова, артисты-чтецы: Н.Ф. Першин, Н.М. Эфрос, П.М. Ярославцев, Ю.С. Глазунова, В.Г. Суханова, Б.В. Чепанова, Э.Э. Лукова, Н.Д. Игнатьев, дикторы Всесоюзного радио В.С. Соловьева, Е.И. Гольдина, А.И. Головина, Н.А. Толстова, З.П. Ремизова и многие другие. Система школы Василия Серёжникова – музыкально-речевая. Вслед за Сергеем Волконским и Юрием Озоровским Серёжников утверждает музыкальную природу речи. В 1923 году он из числа своих учеников и преподавателей организовал Московский передвижной театр чтеца (закрыт в конце 1930-х гг.). В 1935 году Василий Константинович был репрессирован. Скончался в 1952 году.

Квартира огромная: на каждую семью по сто метров жилой площади. Длинные коридоры, по которым мы в детстве катались на велосипеде. Два парадных и один черный вход – через него выходили в закрытый двор с красивыми чугунными воротами. В десять часов вечера ворота запирались. Чтобы попасть домой, звонили дворнику. Дети нашего дома гуляли во дворе под зорким присмотром всей дворни.

Во дворе жили столяр, сапожник, лудильщик, точильщик. Все нужное для повседневной жизни было под руками. Наша квартира – веселая, солнечная, полная жизни. В ней хозяйствовала моя тетя (младшая сестра отца) Елена Константиновна, она занималась кухней и семейным бюджетом. Я ее называла мамой. Родная мама Мария Константиновна Лукавская (жена отца) работала сестрой милосердия и часто уезжала на фронт. Мама умерла в 1927 году, нас осталось трое: сестра Ариадна двенадцати лет, я, двухлетняя, и сводный брат по матери Георгий четырнадцати лет.

Папа был настоящим отцом семейства, на его иждивении тогда находилось шесть человек. Маму свою я не помню и сиротой себя никогда не чувствовала. Отец был большим любителем после обеда (обедали часов в шесть) пойти на прогулку в Петровский парк, находящийся на современном Ленинградском шоссе, и всегда брал меня с собой. Мы проходили через Триумфальные ворота – огромные и грандиозные: они возвышались в конце Тверской-Ямской улицы. Около ворот стояли две сторожевые будки, покрашенные в белые и черные диагональные полосы. Во время нашего гуляния отец часто останавливался, глядел на небосвод и рассказывал много интересного о звездах. Обыкновенно доходили мы до ипподрома, на котором происходили конные бега и скачки, и возвращались домой к ужину. По-семейному садились за большой обеденный стол с кипящим самоваром. Собиралась вся семья, и начиналось вечернее чаепитие с вкуснейшими пирожками, которые всегда пекла тетя Елена. После ужина каждый занимался своим делом: кто-то шил, кто-то читал вслух интересную книгу. Я любила вышивать. В десять часов дети шли спать.

Отец уходил в свой кабинет на отдых, а ночью вставал работать. С головой погружался в свои книги и любимую философию. В кабинете отца стояли большой письменный стол с зеленым сукном и старинное кресло. На столе – лампа с зеленым абажуром, письменный прибор, бювар, много карандашей, ручек, набор ножей для разрезания журналов и книг, три бронзовые статуэтки (Шиллер, Шекспир, Гёте), в рамке портрет Ламетри, этажерка, полная словарей, несколько специальных ящиков с каталогом библиотеки, которая насчитывала около 15 000 томов по философии, истории, русскому языку, иностранным языкам и другим отраслям знаний. Часто отец писал стоя за конторкой. Для спанья – широкий диван, на стене висела карта мира.

Вся наша семья отца очень уважала, прислушивалась к его советам. В трудные минуты все обращались к нему за помощью, и он никогда никому не отказывал. К нам, к детям, он относился с большой нежностью и заботой. Мне покупал книги с иллюстрациями хороших художников, выписывал журнал «Чиж и Ёж» с иллюстрациями художника-графика М.М. Черемных.

Несколько раз были с отцом в Большом театре на балетах: «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро». Мне очень нравилась балерина Марина Тимофеевна Семёнова. Классические пропорции тела, изумительная пластика. С каким изяществом она кланялась публике в конце спектакля!

В Художественном театре с отцом смотрели спектакль «Синяя птица». Вообще, можно сказать, я выросла в Театре юного зрителя в переулке Садовских. В нем работал актером муж двоюродной сестры. Моими кумирами были певцы и певицы: А.В. Нежданова, В.В. Барсова, Н.А. Обухова, С.Я. Лемешев.

Любила слушать патефонные пластинки с записью голосов Галли Курчи, Ф.И. Шаляпина, Вертинского. С А.Н. Вертинским я познакомилась в поезде, когда возвращалась из Москвы к себе на дачу (станция «Валентиновка», Северная ж. д.). Он несколько лет подряд снимал там дачу для своих маленьких девочек. Часто разговаривали, он много и остроумно шутил. Раз пять я была на его концертах. Необыкновенно талантливый актер. Каждая его песня – это картина, написанная жестами выразительных рук – маленький жизненный эпизод, западающий в душу.

Меня учили музыке, шитью и вышиванию. Подготовкой к школе со мною занимался сам отец. Я поступила в образцовую школу № 25 Свердловского района г. Москвы, созданную специально для «кремлевских детей» и детей вышестоящих партийных работников. Она находилась в Старо-Пименовском переулке в здании бывшей гимназии. Здание с колоннами, подпирающими полукруглый балкон. Внутри огромный великолепный интерьер вестибюля. В те годы директором школы была Нина Иоасафовна Гроза – умная, энергичная, справедливая. Заведующий учебной частью – Александр Семенович Толстов – старейший одаренный филолог и историк. Учили нас замечательно.

Самая первая моя учительница, Евгения Карловна Вейцлер, в моей памяти осталась на всю жизнь. Математику преподавал старый профессор Юлий Осипович Гурвиц. Замечательные историки – Петр Константинович Холмогорцев и Николай Афанасьевич Куликов. Литературу вела лучшая из лучших – Анна Алексеевна Яснопольская. Ее уроки были необыкновенно увлекательными.

Нас, учеников, называли на «вы» и коллективно к классу «господа»: «Господа, шум в классе!», «Господа, будете халтурить, выведу двойки в четверти», – очень лаконично, спорить невозможно. С нашими учителями встречались потом классами, всегда тепло о них вспоминали.

В середине 1930-х годов нашу школу захлестнула волна террора. Начались репрессии в школе. Из нашего класса 6 «Б» многие ребята были переведены в параллельный класс 6 «А», некоторые ребята ушли из школы совсем. Причина была одна – у переведенных ребят арестованы родители. Вместе со Светланой Сталиной в одном классе лучше не быть.

Ни учителя, ни ребята не изменили своего прежнего отношения к детям «врагов народа».

Светлана Сталина, Лев Булганин были моими ровесниками, Серго Берия, Воля Маленкова – на один год старше, Светлана Молотова – на три года моложе, одна внучка Горького была моей ровесницей, другая – на один год моложе и т. п. Только Василий Сталин был старше лет на пять.

Н.И. Грозу арестовали в 1937 году, и директором школы стала Ольга Федоровна Леонова (депутат Верховного Совета). Школа получила новый номер и стала числиться под № 175; она существует и по сей день как одна из лучших школ Москвы.

Отец очень заботился о воспитании и образовании детей. У моей старшей сестры Ариадны были хорошие учителя. Она изучала языки, училась музыке, рисованию, очень увлекалась литературой, с детства изучала стихи и музыку. Сестра мечтала серьезно заниматься музыкой, а отец настаивал на химии. Она, конечно, согласилась, т. к. авторитет отца был слишком велик. Она не стала доказывать и спорить, а просто поступила в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева.

Мой брат Георгий, сводный по матери, скромный, застенчивый, увлекался поэзией и рисованием. Участвовал в строительстве первой очереди Метрополитена. После окончания строительства работал заместителем начальника станции «Преображенская». Погиб на фронте в 1941 году.

Обыкновенно в дом приходило много народа: профессора Смоленского университета Миллер, Дыхно, Жаринов, Давыдов и др. Часто бывал Николай Иванович Бухарин. Я помню его летом в сандалиях, в толстовке, в холщевых летних брюках. Он играл с детьми, сестру отца учил кататься на велосипеде. С ним всегда всем было весело. Бывали врачи: Четвериков, Свержевский, Преображенский, Плетнёв. Частыми посетителями бывали С.М. Романовская и В.Н. Сарабьянов (мой отец готовил его когда-то в Астраханскую гимназию). Они были неразлучными друзьями вплоть до ареста отца. Завсегдаем бывал Иван Дмитриевич Сытин, русский издатель-просветитель. С 1884 года он печатал книги в издательстве «Посредник», издавал учебники, научно-популярные книги, дешевые издания собраний сочинений классиков русской литературы, энциклопедии, народные календари и др. В начале 1910-х годов издательство Сытина стало крупнейшим в России. После Октябрьской революции Сытин был консультантом Госиздата – персональным пенсионером. Иван Дмитриевич всегда приходил с пачкой новых книг.

Брат отца, Василий Константинович, приводил друзей – очень интересных и знаменитых. Помню, на какой-то первомайский праздник пришли с гармошкой и красными бантами в петлицах пиджаков под песню «Яблочко» два закадычных друга: мой дядя Вася и поэт Василий Васильевич Каменский, один из первых русских пилотов (ввел в обиход слово «самолет»), в ранней молодости – представитель футуризма (его поэмы – «Стенька Разин», «Емельян Пугачев», «Иван Болотников»). Мы, дети, в этих праздниках участия не принимали, расходились по своим комнатам и занимались своими делами.

В те счастливые годы, казалось, ничего еще не предвещало будущих трагедий. Отец был окружен братьями, сестрами и детьми. По праздникам собиралось много гостей. Взрослые беседовали, веселились, танцевали, пели, читали стихи.

Отец самозабвенно занимался наукой. Честность, верность и доброжелательность – вот его главные черты: честность перед самим собой и верность партийному и государственному долгу. В 1920-е–1930-е годы отец много работал с молодежью. Как лектор пользовался у слушателей заслуженным глубоким уважением. Помню отца со строгим выражением лица, с задумчивыми глазами. Нам, детям, часто говорил: «Вы понимаете – вам трудно, проблемы серьезные, а опыта еще нет, знаний тоже не хватает. Так учитесь! И совет мой прост: все, чем волнуется мир, должно вас волновать также. Мы идем вперед, нам трудно, но ведь мы идем! Эх дети, если бы Вы знали, через что мы уже прошли!.. И еще дальше пойдем».

Отец все время мечтал о своей даче. Приобрел он ее в 1937 году. Участок большой, в 24 сотки. Мы посадили там малину, клубнику, смородину. А отец возле террасы – кусты жасмина и сирени, а за домом – небольшую липовую аллею. Зимой в школьные каникулы мы выезжали на дачу. Отца это очень радовало. Он любил в тиши от городского шума писать свои труды. Но, увы, в 1938 году отца арестовали, и мое счастливое детство закончилось. Благополучию нашей семьи пришел конец.

Мой отец, Серёжников Виктор Константинович, был человеком твердым, решительным и принципиальным, говорил все, что думал, не выносил лицемерия и отличался чувством справедливости.